

<Выступление в Москве после возвращения из США в 1959 г.> Речь Н. С. Хрущева

Дорогие товарищи!

Мы только что с самолета, который завершил беспосадочный перелет Вашингтон — Москва. (*Аплодисменты.*) Мы сразу же прибыли к вам на собрание, дорогие москвичи, с тем, чтобы поделиться с вами впечатлениями и рассказать о результатах нашей поездки в Соединенные Штаты Америки, которую мы совершили по приглашению Президента Соединенных Штатов Дуайта Эйзенхауэра.

Принимая это приглашение, мы исходили из того, что международное положение и отношения между нашими государствами — двумя великими державами — Советским Союзом и Соединенными Штатами давно уже находятся в состоянии напряженности. Сохранять и дальше такое состояние — это значит сохранять положение, при котором могут быть всякие неожиданности, чреватые тяжелыми последствиями для наших народов и для народов всего мира. Поэтому в умах наиболее дальновидных государственных деятелей ряда стран созрело понимание необходимости предпринять какие-то усилия для того, чтобы покончить с «холодной войной», ликвидировать состояние напряженности, которая создалась в международных отношениях, очистить атмосферу и создать более или менее нормальные отношения между государствами. Тогда народы могли бы жить и смотреть в будущее без страха за свою судьбу. XX век — это век величайшего расцвета разума, таланта человека. В наши дни люди своими руками осуществляют то, о чем веками мечтало человечество, выражая эти мечты в виде сказок, казавшихся несбыточной фантазией. Так неужели в это время расцвета человеческого гения, познающего тайны природы и овладевающей ее могучими силами, можно мириться с сохранением первобытных отношений между людьми, когда человек был зверем.

Если в отдаленные времена такие отношения можно было объяснить тем, что человек находился на первой стадии своего развития и мало чем отличался от животных, то теперь, когда человек достиг невиданного расцвета научных знаний и шаг за шагом все больше и больше подчиняет своей воле силы природы, заставляет их служить на пользу обществу, — теперь ничем нельзя оправдать сохранение таких отношений, какие существовали между первобытными людьми.

Наше время может и должно стать временем осуществления великих идеалов, временем мира и прогресса. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Советское правительство давно осознало это. Именно поэтому мы неоднократно предлагали великим державам организовать встречу глав правительств с тем, чтобы обменяться мнениями по назревшим международным проблемам. Когда мы делали эти предложения, мы верили в разум человека. Мы верили, что при разумном подходе представители различных политических взглядов, государств с различным социальным устройством смогут найти общий язык для того, чтобы правильно решить волнующие все человечество вопросы современности в интересах упрочения мира. В наш век величайшего развития техники, в условиях, когда существуют государства с различным социальным строем, нельзя успешно решать международные проблемы, иначе как на основе принципов мирного сосуществования. Другого выхода нет. Те люди, которые говорят, что они не понимают, что такое мирное сосуществование, и опасаются его, вольно или невольно содействуют дальнейшему развитию «холодной войны», которая обязательно разрастется, если мы не будем вмешиваться и не ликвидируем ее. Она дойдет до такого накала, когда в любой момент может вспыхнуть искра, способная вызвать мировую войну. В этой войне погибнет многое. Поздно будет обсуждать вопрос о том, что такое мирное сосуществование, когда заговорят такие ужасные средства истребления, как атомные и водородные бомбы, как баллистические ракеты, практически неуловимые и способные доставить ядерное оружие в любую точку земного шара. Не считаться с этим — значит закрывать глаза и заткнуть уши, спрятать свою голову, как это делает страус, когда на него надвигается опасность. Если мы, люди, уподобимся этому страусу и будем прятать голову в песок, то, спрашивается, зачем нужна такая голова, если она не способна предотвратить угрозу для самой жизни. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Нет, мы должны проявить разум человека, веру в этот разум, веру в возможность договориться с государственными деятелями

различных стран, совместными усилиями мобилизовать людей с тем, чтобы отвести угрозу военной опасности. Нужно иметь волю и мужество, чтобы пойти наперекор тем, кто упорствует в продолжении «холодной войны». Надо преградить ей путь, растопить лед и нормализовать международные отношения.

С этой высокой трибуны перед москвичами, перед всем своим народом, правительством и партией я должен сказать, что Президент Соединенных Штатов Америки Дуайт Эйзенхауэр проявил государственную мудрость в оценке современной международной обстановки, проявил мужество и волю. (*Бурные аплодисменты.*) Несмотря на сложность обстановки, которая существует в Соединенных Штатах, он, человек, который пользуется абсолютным доверием своего народа, выступил с предложением об обмене визитами между главами правительств наших стран. Мы воздаем должное этой важной инициативе, направленной на укрепление дела мира. (*Продолжительные аплодисменты.*) Предпринимая этот шаг, он был уверен, что мы примем протянутую им руку, поскольку мы неоднократно по этому вопросу обращались как к Президенту Эйзенхауэру, так и к другим главам правительств. И Президент США не ошибся в своих расчетах. (*Аплодисменты.*)

Дорогие товарищи, я с удовлетворением докладываю, что мы выполнили часть договоренности с Президентом Эйзенхауэром об обмене визитами. Воспользовавшись любезным приглашением Президента, мы совершили поездку в Соединенные Штаты Америки и провели там важные встречи и беседы.

Я хотел бы поделиться с вами впечатлениями от этой поездки и кратко рассказать о ее результатах. Думаю, что лучше всего рассказать все как было. Чем правдивее мы расскажем об этом, тем это будет лучше для укрепления отношений между народами наших стран. (*Аплодисменты.*) Если бы я сказал, что после того, как мы объехали какую-то часть американских городов, повстречались и побеседовали со многими американцами, все спорные вопросы сняты, — то это было бы неверно. Только политический слепец может считать, что как он скажет, так и будет.

Нет, для того, чтобы решить столь важные вопросы, мало одного визита, одной поездки, для этого потребуются большие усилия. Понадобится еще немало встреч, чтобы добиться полного взаимопонимания, добиться той цели, которая всегда стояла перед нашей партией, перед нашим народом, перед нашим Советским государством, — обеспечить мирное сосуществование между государствами с различным укладом и на основе невмешательства во внутренние дела обеспечить безопасность народов.

Хочу рассказать о том, что мы чувствовали, когда впервые вступали на землю Соединенных Штатов Америки.

Скажу откровенно, я испытывал смешанные чувства. Вызывалось это тем, что как только появились первые сообщения о предстоящем обмене визитами, многие органы печати и некоторые деятели США начали пропаганду против моего приезда в Соединенные Штаты. Они создавали такие атмосферные условия, которые не согревали меня, хотя температура в США значительно выше, чем в Москве. Они хотели встретить меня холодным душем. Особенно я был огорчен, когда в самолете, следуя из Москвы в Вашингтон, прочитал выступление вице-президента Никсона, приуроченное к моему приезду. Он избрал себе аудиторию, которую, казалось бы, никак нельзя заподозрить в какой-либо воинственности. Это была ассоциация зубных врачей. (*Оживление в зале.*) Однако господин Никсон произнес речь далеко не лекарственного значения. (*Смех в зале.*) Он к зубной боли добавил, так сказать, холода. Можно подумать, что он испугался, как бы действительно не наступило потепление, как бы действительно «холодная война» не кончилась. Я не понимаю, зачем это нужно было.

Однако, когда мы прилетели в Вашингтон, нам был организован такой прием, который достоин нашей великой страны, нашего великого народа. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*) Надо отдать должное Президенту Эйзенхауэру: он сделал все, что требуется, когда организуется встреча на таком уровне. (*Аплодисменты.*) Вы, очевидно, читали в газетах, как нас встречали в столице США, какую речь произнес Президент. Я повторяться не буду, это была теплая встреча.

Вскоре после прибытия в Вашингтон мы встретились с Президентом в Белом доме. На этой встрече присутствовали также вице-президент г-н Никсон и государственный секретарь г-н Гертер. У меня характер несколько беспокойный, человек я прямой, и, хотя это было, может быть, не совсем дипломатично, при первой же беседе я спросил, зачем нужно было такое выступление вице-президента накануне моего приезда. Я уже не говорю о недружественных выступлениях и статьях людей меньшего ранга.

Президент сказал, что он этого выступления Никсона не читал. Тогда я сказал, что читать это выступление не стоит, так как это уже дело прошлое. (*Аплодисменты.*)

Это — один штрих, который в какой-то мере характеризует подготовку к приему заморского гостя. (*Оживление в зале.*)

Второе. Вы, москвичи, да и не только вы, а все советские люди — русские, украинцы, белорусы, узбеки, грузины, казахи, армяне — все народы, всегда достойно встречаете гостей. Какую бы

страну ни представлял гость, каких бы политических убеждений он ни придерживался, — раз он наш гость, мы ставим хлеб-соль на стол и проявляем к нему не только внешнее, но и внутреннее уважение. (*Аплодисменты.*) А там, в Соединенных Штатах, я в первый день наблюдал такую картину: едем мы с Президентом; огромное количество людей стоит, кое-кто руку поднимает, машет, но я вижу — быстро отдергивает руку, словно прикоснется к электрическому току. (*Смех в зале.*)

Вначале мне было трудно понять, в чем дело. Тогда я решил внимательнее всмотреться в лица людей, стоящих по обе стороны пути нашего следования. Я стал делать знак приветия легким кивком головы, и многие начали отвечать мне тем же. В чем же было дело?

Мне потом рассказали, что за 10 минут до того, как нам проехать с Президентом в Белый дом, по маршруту нашего следования прошла некая автомашина с плакатом, на котором было написано: встретим гостя достойно, вежливо, но без аплодисментов и приветствий. (*Оживление в зале.*)

Потом я спросил представителя Президента г-на Лоджа, который сопровождал меня в поездке по США, — верно ли это? Мне разъяснили, что действительно машина с таким плакатом проходила. Но кому принадлежала эта машина, будто бы неизвестно. (*Смех в зале.*) Она-де прорвалась через кордон полиции. Когда официальные лица дали мне такое разъяснение, я им сказал, что не представляю себе, как полиция, которая так хорошо меня охраняла, не могла заметить машины с подобным плакатом. (*Оживление в зале.*)

Я убежден, что всего этого Президент не знал и что все это было сделано помимо воли не только Президента, но и других, которые занимались организацией встречи нас. Однако, как говорится, из песни слова не выкинешь.

С первых же шагов по американской земле меня начали так усиленно охранять, что не было никакой возможности вступить в контакт с рядовыми американцами. Эта охрана превратилась в своего рода домашний арест. (*Оживление в зале.*) Меня начали возить в закрытой машине, и я только в окошко мог видеть людей, которые нас встречали. А люди приветствовали, хотя зачастую и не видели меня.

Я далек от того, чтобы все те чувства дружбы, которые выражались американским народом, принять на свой счет или даже на счет нашей коммунистической идеологии. В этих приветствиях американцы заявляли нам, что они так же, как и мы, стоят на позициях борьбы за мир, за дружбу между нашими народами. (*Бурные аплодисменты.*)

Не буду подробно говорить вам о всех наших встречах с американцами; вы о них, очевидно, знаете из газет. Мы побывали в Вашингтоне, затем в Нью-Йорке, где я имел честь с трибуны Организации Объединенных Наций выдвинуть от имени Советского правительства план полного и всеобщего разоружения. (*Бурные аплодисменты.*)

Из Нью-Йорка мы отправились на западное побережье США — в Лос-Анжелос¹ и Сан-Франциско, оттуда в штат Айова и в крупный промышленный центр Пенсильвании — город Питтсбург. Наконец, мы вернулись в Вашингтон. Это было небольшое путешествие: мы повидали различные районы Соединенных Штатов, повстречались с людьми различного склада. Было много хороших встреч и откровенных бесед. Но были встречи и другого характера.

В первой половине путешествия нам бросилось в глаза, что повторялась одна и та же пластинка. Ораторы утверждали, что будто я когда-то сказал, что мы «похороним капиталистов». Вначале я терпеливо разъяснял, как это было в действительности сказано, что мы «похороним капитализм» в том смысле, что социализм придет неизбежно на смену этой отживающей свой век общественной формации так же, как в свое время на смену феодализму пришел капитализм. В дальнейшем я увидел, что люди, которые настойчиво повторяют подобные вопросы, вовсе не нуждаются в разъяснениях. Они ставят определенную цель — запугать коммунизмом людей, которые имеют очень смутное представление о том, что это такое.

В городе Лос-Анжелосе на одном из приемов, где мэр города, который не хуже других мэров, но, быть может, менее дипломатичен, опять начал говорить в таком духе, я был вынужден высказать свое отношение к этому.

Я заявил, вы хотите мне организовывать в каждом городе, на каждом собрании демонстрацию неприязни? Если вы так будете меня встречать, то что же, как говорится в русской пословице, «от чужих ворот невелик поворот». (*Аплодисменты.*) Если вы еще не созрели для переговоров, если вы еще не осознали необходимости ликвидации «холодной войны» и боитесь, что она будет ликвидирована, хотите ее продолжать, то нам ветер тоже не дует в лицо, мы можем терпеть. У нас и терпения хватит и мудрости. Дела в нашей стране идут хорошо. Народ наш не раз показал и разум, и силу, и волю, и такое умение преодолевать трудности, что он может постоять за свою Родину, за дело мира. (*Продолжительные аплодисменты.*) Он сумеет достойно ответить, если агрессивные силы попытаются прощупать нас штыком. (*Аплодисменты.*)

Мне пришлось тогда вступить в дипломатические переговоры. Я попросил министра иностранных дел товарища Громыко пойти

и заявить представителю Президента г-ну Лоджу, который меня сопровождал, что, если дело не будет исправлено, я не сочту возможным дальше продолжать свою поездку и должен буду вернуться в Вашингтон, а оттуда в Москву.

Все это, видимо, оказало свое действие. Г-н Лодж передал через Громыко мне, что он рекомендует, следуя программе, ехать в Сан-Франциско и другие города, что местными властями будут приняты меры и это не будет повторено.

Должен сказать, что такие переговоры через товарища Громыко имели место ночью, а когда утром я проснулся, действительно, все изменилось. И когда мы из Лос-Анжелоса поехали в Сан-Франциско, с меня были сняты, образно говоря, «наручники», и я получил возможность выходить из вагона, встречаться с людьми. (*Аплодисменты.*) Люди пожимали мне руки, и я им отвечал тем же, и они аплодировали и улыбались, улыбались так же, как вы, москвичи, улыбаетесь, встречая гостей, радуясь гостям и делая все, чтобы гости чувствовали себя так, как эго бывает при хорошем приеме гостей. (*Аплодисменты.*)

Когда мы приехали в Сан-Франциско, ярко светило солнце, был чудный, по-нашему летний день. Климат замечательного города был совершенно иным, лучи солнца обогревали нас, но еще теплее нам было от сердечной, непринужденной встречи. (*Аплодисменты.*)

Мы исключительно благодарны мэру города Сан-Франциско г-ну Кристоферу, губернатору штата Калифорния г-ну Брауну, жителям Сан-Франциско, всем, кто с пониманием отнесся к нашему визиту, визиту мира и дружбы между нашими народами, между народами всех стран. (*Аплодисменты.*)

Нам были предоставлены все возможности для встреч и бесед с простыми людьми. Правда, для этого у нас не было больших физических возможностей, но это уже надо отнести за счет краткости нашего пребывания. Скажу по совести, рассеялись сомнения в недобрых намерениях местных властей. У нас сразу же установился хороший контакт с жителями этого большого и красивого города.

Особенно хочется отметить встречу с портовыми рабочими. Лидер профсоюза грузчиков Тихоокеанского побережья г-н Бриджес пригласил меня и моих товарищей приехать к грузчикам и побеседовать с ними. Это была душевная встреча. Среди грузчиков, людей простых и искренних, я чувствовал себя так же, как чувствую среди советских рабочих. (*Аплодисменты.*) Привет, который я передал им от советских рабочих, был встречен восторженно, и они просили меня передать их горячий ответный привет. (*Бурные аплодисменты.*)

Мне вспоминается также посещение завода счетных машин в городе Сан-Хосе близ Сан-Франциско. Директор завода г-н Уотсон, служащие и рабочие радушно встретили нас, подробно ознакомили со сложными процессами производства, давая все разъяснения на русском языке, — предусмотрительность, которую особенно приятно отметить. Сам завод, его конструкция, организация производства произвели хорошее впечатление.

У одного из тех, кто давал нам объяснения, я подметил украинский акцент, и я спросил его:

— А як Ваше прізвище? (*Оживление в зале.*)

Он мне ответил:

— Марченко.

Я говорю:

— Привітствую Вас. У Вас батьки єсть?

Он ответил:

— Єсть.

— Передавайте привіт вашим батькам.

Он поблагодарил меня. (*Оживление в зале.*)

Но сроки пребывания в гостеприимном Сан-Франциско подходили к концу, и мы должны были на самолетах лететь в другой американский город — Де-Мойн, в штат Айова. Это один из важнейших центров сельскохозяйственного производства Соединенных Штатов.

После теплой встречи с губернатором штата, мэром города, а также с представителями деловых и общественных кругов мы поехали за город на столь любимые моему сердцу кукурузные поля. (*Оживление в зале, аплодисменты.*) Должен сказать, что американцы умеют возделывать кукурузу, вся она посеяна квадратом, поля находятся в хорошем состоянии. Правда, и там я нашел кое-какие недостатки у самого знатока кукурузы, моего старого знакомого Гарста. (*Смех, аплодисменты.*) Посевы кукурузы были загущены в гнездах, на что я, конечно, по-дружески обратил его внимание.

Мы пользовались широким гостеприимством нашего хозяина г-на Гарста, который устроил для нас интересную встречу с фермерами. Там мы встретились и с прибывшим из Чикаго видным деятелем Демократической партии Эдлаем Стивенсоном, беседа с которым носила весьма откровенный и дружественный характер.

Вспоминается такой эпизод. Когда мы приехали в университет, кто-то из молодых людей сунул мне студенческую газету. Там была напечатана большая статья, в которой, как мне передали, студенты приветствовали наш приезд. В статье было написано, однако, что студенты встретят нас без энтузиазма, без привет-

ственных возгласов. И что же? Студенты, от имени которых была написана статья, эти молодые, рвущиеся к жизни люди, проявили такой же энтузиазм, какой проявляет и наша молодежь. Они кричали, аплодировали, бурно выражали свои чувства. Слышны были возгласы: «Товарищ Хрущев!», «Никита» и другие простые теплые слова. (*Оживление в зале, аплодисменты.*)

Я должен также рассказать вам о теплой встрече, которую оказали нам жители одного из крупнейших промышленных городов Америки, города металлургов и машиностроителей, — жители города Питтсбурга. Они проявили большое дружелюбие и уважение к нам. Мне было даже как-то неловко, когда я ехал в машине с аэродрома. Мы прибыли в Питтсбург в 12 часов ночи. Ночь была темная. И вот когда мы ехали в город, то вдоль всей дороги стояли автомашины, стояли люди, и я видел их улыбки, слышал их приветствия.

В Питтсбурге мы посетили машиностроительный завод фирмы «Места». Мы чувствовали, что дирекция завода сделала все, чтобы познакомить нас с этим предприятием, дать нам возможность ознакомиться с условиями труда. Мы прошли по заводу, разговаривали с рабочими. Хочу подчеркнуть один штрих: когда мы вошли, нас приветствовали, но сдержанно. Однако, чем ближе мы знакомились с рабочими, тем теплее становилась встреча, рабочие бурно выражали свои чувства уважения к нам, представителям Советского государства, советского народа.

В памяти осталась также встреча с деловыми людьми и интеллигенцией Питтсбурга, которая состоялась в местном университете. Как обычно, здесь был устроен обед, за обедом произносились речи, которые, как мне показалось, отличались более реалистическим пониманием необходимости установления дружественных отношений между нашими странами.

Слушая мое выступление, кое-кто может подумать, что Хрущев, говоря о дружественных встречах, утаил враждебные демонстрации. Нет, я не собираюсь замалчивать факты враждебного или неприязненного отношения к нам. Да, такие факты были. Знаете, как американские журналисты были моими спутниками в поездке по США, так и фашиствующие беглецы из разных стран кочевали из города в город, выставляя напоказ несколько жалких плакатиков. Встречались нам и злые и хмурые американские лица.

Было очень много хорошего, но не нужно забывать и плохое. Этот червячок, вернее червячище, еще жив и может проявить свою жизненность и в дальнейшем.

Для чего я говорю об этом? Ради охлаждения отношений между Советским Союзом и США? Нет. Я говорю об этом потому, что

надо знать правду, чтобы вы видели не только одну, приятную нам, сторону, но и другую, закулисную, сторону, которую прятать не нужно. В Америке есть силы, которые действуют против нас, против ослабления напряженности, за сохранение «холодной войны». Закрывать глаза на это значило бы проявить слабость в борьбе против этих злых сил, злых духов. Нет, их надо обнажить, их надо показать, их надо публично высечь, их надо поджарить, как чертей, на сковородке. (*Оживление в зале, продолжительные аплодисменты.*) Пусть злятся те, кто хочет продолжать «холодную войну». Их не поддержат простые люди земли, их не поддержат те, кто обладает разумом человека. (*Аплодисменты.*)

Поездка в Питтсбург завершила наше путешествие по Соединенным Штатам Америки.

Заканчивая рассказ о путешествии по стране, я хотел бы выразить нашу искреннюю благодарность мэрам городов и губернаторам штатов, которые мы посетили, представителям деловых кругов и интеллигенции, коллективам предприятий и университетов, рабочим и фермерам, всем представителям общественных организаций. Мне хотелось бы отметить, в частности, большую работу, сделанную мэром города Нью-Йорка г-ном Вагнером, мэром города Сан-Франциско г-ном Кристофером, мэром города Питтсбурга г-ном Галлахером, губернатором штата Пенсильвания Дэвидом Лоуренсом, ректором Питтсбургского университета г-ном Литчфилдом, ректором университета штата Айова Эдвардом Хилтоном, представителями деловых кругов Эриком Джонстоном, Робертом Даулингом, Сайрусом Итоном, Томасом Уотсоном, Фрэнком Места, Расвелом Гарстом и другими. (*Аплодисменты.*)

Замечательным проявлением уважения к нашей стране, ее великому народу явились многочисленные подарки. Мэры городов Нью-Йорка и Питтсбурга преподнесли в качестве памятного дара медаль Нью-Йорка и символический ключ от Питтсбурга.

Я, между прочим, сказал: принимаю этот ключ как символ доверия. Вы можете быть спокойны, обещаю вам, что никогда этот ключ не будет использован без разрешения хозяев. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Компания «Интернейшнл харвестер» подарила кинофильм о механизации возделывания кукурузы, Президент Эйзенхауэр подарил со своей личной фермы породистую телку, адмирал Страус — бычка и телку, фермер Кулидж — породистого хряка. Были преподнесены и многие другие подарки, за которые мы признательны и благодарны. (*Аплодисменты.*)

Хочу отметить, что американская печать, радио и телевидение широко и в основном правильно, объективно освещали наше пре-

бывание в Соединенных Штатах. Были, конечно, недружелюбные выпады отдельных журналистов, но не они задавали тон в американской прессе.

Во время поездки по США меня и моих товарищей сопровождали личный представитель Президента г-н Лодж, начальник протокольного отдела госдепартамента г-н Бьюкенен, посол США в СССР г-н Томпсон с супругами и другие официальные лица. Я должен выразить признательность им и особенно г-ну Лоджу. Он делал все для того, чтобы создать нужные условия в нашей поездке, стремился познакомить нас с жизнью великого народа Соединенных Штатов Америки. (*Аплодисменты.*)

В шутку я говорил г-ну Лоджу: если бы судьба забросила на необитаемый остров меня, представителя рабочего класса, Коммунистической партии Советского Союза, и его, представителя капиталистического мира, то мы, видимо, нашли бы общий язык и обеспечили бы мирное сосуществование на этом острове. (*Оживление в зале. Продолжительные аплодисменты.*) Почему же государства, которые имеют различный социальный строй, не могут обеспечить сосуществования? Наши государства находятся также как бы на острове: ведь при современных средствах сообщения, которые сблизили континенты, наша земля поистине кажется небольшим островом, и нам надо осознать это. Осознав необходимость сосуществования, надо проводить мирную политику, жить в дружбе, не бряцать оружием, а уничтожить его. (*Аплодисменты.*)

Товарищи! 25 сентября мы вновь встретились с Президентом США в Белом доме и вместе с ним отбыли на вертолете в его загородную резиденцию, которая называется Кэмп Дэвид. Мы находились там 25, 26 и 27 сентября. Мы вели откровенные дружественные беседы, изложили позиции своих правительств по важнейшим международным проблемам, а также по вопросам улучшения советско-американских отношений. В этих встречах и беседах приняли участие и проделали полезную работу государственный секретарь США г-н Гертер и министр иностранных дел СССР тов. Громыко, а также другие товарищи, сопровождавшие меня.

Главный результат нашего обмена мнениями с Президентом США выражен в совместном коммюнике, которое сегодня опубликовано в печати. Можно не сомневаться, что этот документ будет воспринят с удовлетворением всеми, кто заинтересован в упрочении мира. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Следует учесть, однако, что мы не могли, естественно, в один присест расчистить вдвоем с Президентом все нагромождения

«холодной войны», накопившиеся за многие годы. Для того, чтобы убрать этот мусор, и не только убрать, но и перемолоть его, требуется время. Еще слишком свежи некоторые явления, разделяющие нас. Иной раз некоторым деятелям бывает трудно оторваться от старых позиций, от старых взглядов, от старых формулировок.

Но я со всей откровенностью скажу вам, дорогие товарищи, что в результате бесед и обсуждения конкретных вопросов с Президентом США у меня сложилось впечатление, что он искренне хочет ликвидировать состояние «холодной войны», создать нормальные отношения между нашими странами, содействовать улучшению отношений между всеми странами. (*Бурные аплодисменты.*) Мир сейчас неделим, он не может быть обеспечен усилиями лишь двух или трех стран. Поэтому надо бороться за мир так, чтобы в этой борьбе принимали участие все народы, все государства.

Мы обменивались с Президентом США мнениями по вопросам разоружения. Он заявил, что правительство Соединенных Штатов изучает наше предложение и что США так же, как и мы, хотят полного разоружения с введением контроля.

Казалось бы, у нас нет сейчас причин для затяжки решения этого вопроса. Но, с другой стороны, вопрос о разоружении настолько серьезен, что нельзя требовать от своих партнеров решать его быстро, с ходу. Этот вопрос надо, конечно, изучить с тем, чтобы найти такое решение, которое бы действительно создало доверие и обеспечило бы разоружение и мирное сосуществование между государствами.

Поэтому давайте не спешить сейчас с высказываниями, давайте потерпим, дадим государственным деятелям время изучить наши предложения. Но мы не будем бездействовать, а будем доказывать необходимость полного и всеобщего разоружения. (*Аплодисменты.*) Наши предложения мы рассматриваем как основу для соглашения. Мы готовы обсуждать всякие поправки к нашему документу, к нашим предложениям. Мы готовы обсуждать и другие предложения, если они будут внесены и направлены на достижение тех же целей, которые преследуем мы.

Мы обменялись с Президентом мнениями и по германскому вопросу, по вопросу о заключении мирного договора. Мы старались доказать — и я думаю, что нам это удалось, — что на Западе неправильно толковали наши предложения о заключении мирного договора. Некоторые старались внести излишнюю горячность, заявляли, будто это ультиматум и прочее. Люди, которые действовали таким образом, явно руководствовались стремлением продлить состояние «холодной войны». Они доходили до того, что утверждали, будто наши предложения о заключении мирного

договора с Германией являются чуть ли не объявлением войны. Надо же дойти до жизни такой, чтобы так извратить миролюбивую позицию Советского Союза.

Мы обменялись также мнениями о проведении встречи глав правительств. Как Президент Эйзенхауэр, так и я изложили позиции наших правительств и согласились, что такая встреча нужна и полезна.

Мы обменялись с Президентом США мнениями о сроках его ответного визита в Советский Союз. Вначале Президент намерен был приехать в СССР в конце октября этого года. Однако он спросил меня, какое время года наиболее благоприятное для поездок в нашей стране. Я задумался. Мы, москвичи, любим Москву во все времена года. Но для нас, как и для всех людей, наиболее приятным периодом является весна, которая олицетворяет радость, бурное цветущее пробуждение жизни. Поэтому я сказал, что лучше всего, по-моему, было бы приехать в конце мая или в начале июня. Было бы хорошо, если бы Президент взял с собой жену, сына и его супругу, внуков. Мы были бы рады видеть и брата Президента, который вместе с г-ном Никсоном приезжал в нашу страну.

Президент проявил любезность, пригласив меня на свою ферму. Он показал мне свои посевы кукурузы — не мог же я, побывав у Президента, не посмотреть его кукурузу. (Оживление в зале). Посмотрел я телят, бычков на ферме Эйзенхауэра. Замечательные животные. Правда, я должен сказать, что эта ферма — небольшая для Президента, если принять во внимание масштабы этого огромного и богатого государства. Это небогатая ферма, и земля там неважная. Но Президент сказал, что он хочет поработать, чтобы улучшить землю и тем самым оставить добрую память о себе.

На ферме я познакомился с внуками Президента и провел с ними совещание. (*Смех в зале.*) Спросил, хотят ли они поехать в Россию. Внуки в один голос от мала до велика заявили, что хотят ехать в Россию, хотят ехать в Москву. Старшему внуку 11 лет, младшей внучке 3—4 года. Я заручился их поддержкой. В шутку я сказал Президенту, что мне легче договориться об ответном визите с его внуками, чем с ним самим (*смех в зале, аплодисменты*), потому что у внуков хорошее окружение, а у него, видимо, имеются какие-то препятствия, которые не дают возможности реализовать его желание в таком духе и в то время, когда он хотел бы. (*Аплодисменты.*)

Хочу сказать вам, дорогие товарищи, что я не сомневаюсь в готовности Президента приложить свою волю и усилия, чтобы достигнуть соглашения между нашими странами, создать друже-

ские отношения между нашими народами и добиться решения назревших вопросов в интересах упрочения мира. (*Аплодисменты.*)

Вместе с тем у меня сложилось впечатление, что в Америке есть силы, которые действуют не в одном направлении с Президентом. Эти силы стоят за продолжение «холодной войны» и гонки вооружений. Большие ли это силы или маленькие, влиятельные или невлиятельные, могут ли победить те силы, которые поддерживают Президента, — а его поддерживает абсолютное большинство американского народа — я бы не спешил с окончательным ответом на эти вопросы.

Время — хороший советчик, как говорят русские люди: «утро вечера мудренее». Это мудро сказано. Давайте мы обождем утра, тем более, что мы прилетели в конце дня и я выступаю уже вечером. И, может быть, пройдет не одно утро, пока мы хорошенько выясним это. Но мы не будем сидеть сложа руки и ожидать рассвета, ожидать, куда будет склоняться стрелка международных отношений.

Но и со своей стороны будем делать все, чтобы стрелка барометра шла не на бурю и даже не на переменную, а показывала бы на ясно. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Уверен, товарищи, что в современных условиях, когда силы мира неимоверно выросли, когда социалистический лагерь насчитывает около миллиарда людей и обладает огромными производительными возможностями, когда Советский Союз достиг великого расцвета в промышленности и сельском хозяйстве, науке, технике и культуре, — многое можем сделать в интересах мира.

Мы основываемся в своих действиях на разуме, на правде, на поддержке всего народа. Кроме того, мы опираемся на наш могущественный потенциал. И пусть знают те, кто хочет сохранять состояние «холодной войны» с тем, чтобы рано или поздно превратить ее в горячую, — пусть они знают, что в наше время начать войну может только безумец, который сам же погибнет в ее пламени. (*Аплодисменты.*)

Народы должны надеть на этих безумцев смирительные рубашки. Мы верим в то, что государственный ум, человеческий разум победят. (*Аплодисменты.*) Говоря прекрасными словами Пушкина: Да здравствует разум! Да скроется тьма! (*Продолжительные аплодисменты.*)

Дорогие товарищи москвичи! Мы бесконечно счастливы вернуться на родину, видеть милые нам лица советских людей. (*Аплодисменты.*)

Да здравствует великий советский народ, успешно строящий коммунизм под руководством славной ленинской партии! (*Продолжительные аплодисменты.*)

Да здравствует советско-американская дружба! (*Продолжительные аплодисменты.*) Да здравствует дружба между всеми народами мира! (*Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают.*)

* * *

В зале гремит овация. Участники митинга стоя приветствуют главу Советского правительства. Никита Сергеевич подходит к временному поверенному в делах Соединенных Штатов Америки в СССР Э. Л. Фриирсу, пожимает ему руку. В зале снова раздаются горячие аплодисменты.

Митинг объявляется закрытым. Звучит величественная мелодия Государственного гимна Советского Союза. Собравшиеся долго не расходятся, горячо аплодируя товарищу Н. С. Хрущеву.

